

приоритет2030⁺
право для лидерства

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД

«О роли судебных органов интеграционных объединений в формировании правового регулирования внутреннего рынка»

*Автор: Некотенева М.В., к.ю.н., доцент, доцент
кафедры интеграционного и европейского права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

1. Понятие «внутренний рынок»

Под внутренним рынком в интеграционном праве и правоприменительной практике понимается пространство без внутренних границ, в рамках которого обеспечивается свободное передвижение товаров, лиц, услуг, капиталов и платежей. Похожее понятие нашло свое легальное отражение в статье 26 Договора о функционировании Европейского Союза (бывшая ст. 14). К понятию «внутренний рынок» также тяготеет понятие «общий рынок», которое ранее было закреплено в Римском договоре 1957 года. Основные составляющие общего рынка представлены: а) четырьмя экономическими свободами (передвижения товаров, услуг, лиц, капиталов); б) общими политиками и направлениями деятельности, обеспечивающими функционирование четырех свобод (торговая, конкурентная, аграрная и т.д.); в) достижением двух предшествующих стадий экономической интеграции — зоны свободной торговли и таможенного союза (общий таможенный тариф, общая торговая политика по отношению к третьим странам). Что касается права Европейского Союза, то в настоящее время понятия «внутренний рынок» и «общий рынок» являются равнозначными. Создание и обеспечение деятельности внутреннего рынка входит в исключительную компетенцию Союза.

2. Роль решений Суда Европейского Союза в становлении основополагающих принципов права ЕС.

На сегодняшний день более двадцати органов международного правосудия действуют в рамках интеграционных организаций (Европейский Суд по правам человека, Суд Западно-Африканского Союза, Суд Европейской ассоциации свободной торговли, Суд Евразийского экономического союза и т.д.). К числу эффективно функционирующих органов международного правосудия относится Суд Европейского Союза, действующий в рамках специфического европейского интеграционного

объединения, включающего 27 европейских государств). Правовой основой функционирования Европейского Союза, а соответственно, и Суда ЕС, являются два учредительных договора – Договор о Европейском Союзе 1992 г. (далее – ДЕС, историческое наименование – Маастрихтский договор) и Договор о функционировании Европейского Союза 1957 г. (далее – ДФЕС, историческое наименование – Римский договор) с многочисленными протоколами, включая Статут Суда (далее – Договоры), а также приравненная к ним по юридической силе Хартия Европейского Союза об основных правах 2000 г.

Суд ЕС является неполитическим институтом, деятельность которого сосредоточена на обеспечении соблюдения права в ходе толкования и применения Договоров. Его роль в реализации компетенции и формировании правопорядка Союза невозможно переоценить. Суд разъясняет смысл действующих источников и норм права Европейского Союза, его толкование обязательно для институтов, органов, учреждений ЕС, а также государств-членов, включая их национальные судебные органы. Интерпретируя действующие нормы, Суд, зачастую, создает новые правила поведения, которые становятся источником права и формируют так называемое «прецедентное право» ЕС.

Суд Европейского Союза, как и иные институты интеграционного правосудия¹, имеет собственную юридическую стратегию правотворческой деятельности, носящую экспансивный характер.

С самого начала деятельности Суда ЕС, берущего отсчет с 1952 года, его решения как судебного органа региональной международной организации являлись юридически обязательными, однако Суд не обладал полномочиями требовать их принудительного исполнения и уж тем более

1 См.: Интеграционное правосудие: сущность и перспективы: монография / П.А. Калинин, С.Ю. Кашкин, Я.С. Кожеуров, В.И. Слепак и др.; отв. ред. С.Ю. Кашкин. М.: Норма, ИНФРА-М, 2-14. 112 с.

оказывать существенное влияние на национальные правовые порядки. Шесть десятилетий решения Суда трансформировали первичное и вторичное право ЕС. Важнейшим результатом деятельности Суда стало развитие и расширение компетенции Сообществ и Союза путем интерпретации положений Договоров. Это во многом повлияло на правотворчество Сообществ и Союза в целом и предоставило полноценным образом задействовать как основную, так и дополнительную компетенцию (в виде подразумеваемых полномочий) ЕС.

Сегодня Римский договор 1957 года (ДФЕС) закрепляет правотворческие полномочия судебного института Союза. В соответствии со статьей 267 ДФЕС и параграфом 3(b) статьи 19 Договора об учреждении Европейского Союза Суд Европейского Союза полномочен выносить решения в преюдициальном порядке о толковании Договоров, действительности и толковании актов институтов, органов или учреждений Союза. По смыслу параграфов 2 и 3 статьи 256 ДФЕС Суд ЕС обеспечивает единство и внутреннюю согласованность права Европейского Союза, а согласно параграфу 1 статьи 19 ДЕС Суд Европейского Союза обеспечивает соблюдение права в ходе толкования и применения Договоров. Статьями 263, 264, 267 ДФЕС и параграфом 3(b) статьи 19 ДЕС установлено, что Суд Европейского Союза осуществляет функции конституционного суда, поскольку он полномочен выносить решения в преюдициальном порядке о действительности и толковании актов институтов, органов или учреждений Союза. Суд ЕС, принимая во внимание его компетенцию и полномочия, активно вовлечен в нормотворческий процесс. А взаимодействие наднационального судебного института и судебных органов государств – членов ЕС формировало на протяжении многих лет объем и содержание европейского права, распространившего свое действие на такие разнообразные по своему характеру сферы как: свобода передвижения

товаров, интеллектуальная собственность, энергетика, защита окружающей среды и права человека.

Суд ЕС играет активную роль в правотворческом процессе. В отличие от других институтов Европейского Союза, обладающих правотворческими полномочиями и, как правило, издающих обязательные к исполнению нормативные акты, Суд посредством принятия решений как бы корректирует, дополняет имеющиеся нормы. Судебное толкование и «негативное нормотворчество» - основные инструменты судебного института, используя которые он создает право ЕС. Его полномочия в процессе развития и расширения стали затрагивать основные сферы общественной жизни, преимущественно социально-экономические (свобода передвижения товаров, лиц, услуг, капиталов, защита окружающей среды, энергетика, антимонопольное регулирование и т.д.). Безусловно, ключевой сферой «приложения» правотворческих полномочий Суда ЕС является сфера внутреннего рынка.

Роль решений Суда Европейского Союзв в становлении принципов права ЕС.

Принципы — это предписания основополагающего характера, которые определяют сущность, содержание и порядок применения остальных норм правовой системы.

В праве Европейского Союза существует своя собственная, присущая ему совокупность принципов². Некоторые из них сходны с принципами других правовых систем (внутригосударственного и международного права), а некоторые являются особенными и отражают природу интеграционного объединения.

Классифицировать принципы права Европейского Союза можно в зависимости от назначения и сферы действия, выделив:

² Кашкин С.Ю. Право Европейского Союза. М.:Юрайт. С.35

— принцип прямого действия и верховенства права Европейского Союза (указанные принципы являются отражающими специфику правовой природы права ЕС и основ функционирования самого интеграционного объединения, так как определяют соотношение права Европейского Союза с правовыми системами его государств-членов);

— общие принципы права — основополагающие начала правового регулирования, применяющиеся во всех сферах ведения Европейского Союза, но так же присущие другим правовым системам;

— специальные принципы права Европейского Союза, основополагающие начала, применяющиеся в рамках отраслей, подотраслей или отдельных сфер его правового регулирования;

— принципы деятельности Европейского Союза, определяющие основы и порядок реализации Союзом имеющейся у него компетенции.

В свете периодически появляющихся заявлений со стороны государств-членов об отсутствии закрепления и, соответственно, существования принципов верховенства и прямого действия права Европейского Союза, особое значение приобретают решения суда Европейского Союза, закрепляющие эти основополагающие принципы.

Принцип верховенства права Европейского Союза

Первым, сколько нибудь значимым, упоминанием в прецедентном праве Суда о принципе верховенства права Европейского Союза является дело *Les Verts*³, в котором Суд, упоминает Европейское Экономическое Сообщество, указывая, что в основе его деятельности лежит верховенство права.

Дело касалось обращения некоммерческой организации "Les verts - parti ecologiste" с так называемом иске об аннулировании решения бюро европейского парламента от 12 октября 1982 года о распределении

³ Case 294/83, *Parti écologiste 'Les Verts' v European Parliament*, EU:C:1986:166

ассигнований, предусмотренных по статье 3708 общего бюджета европейских сообществ и решения расширенного бюро европейского Парламента от 29 октября 1983 года о принятии правил использования ассигнований на возмещение расходов, понесенных политическими группами, принявшими участие в европейских выборах 1984 года, которыми указанной организации было отказано в таком возмещении на основании того, что она претерпела реорганизацию и теперь не может рассчитывать на такое возмещение.

В п.23 Решения суд указал: необходимо подчеркнуть, что Европейское Экономическое Сообщество является сообществом, основанным на верховенстве права, поскольку ни его государства-члены, ни его институты не могут избежать рассмотрения вопроса о том, соответствуют ли принимаемые ими меры положениям учредительного договора.

В деле *Flaminio Costa v E.N.E.L.*⁴ Суд опираясь на принцип прямого действия определил, что цели, указанные в учредительных договорах не будут достигнуты, если право Европейского Союза будет подчинено национальному законодательству государств-членов.

Данное дело касалось ответа на преюдициальный запрос по иску Фламинио Коста к ENEL (*ente nazionale energia elettrica* (национальный совет по электроэнергии), бывшее предприятие *Edison Volta*), поданного в национальный суд. И касалось вопроса толкования положений статей 102, 93, 53 И 37 учредительного Договора.

Господин Коста возражал против национализации итальянской энергетической компании ENEL, акционером которой он являлся. В знак протеста, господин Коста перестал осуществлять платежи за потребляемую электроэнергию, а также указал, что осуществленная национализация

⁴ Case 6-64. ECLI:EU:C:1964:66.

нарушает законодательство Европейского Союза. Правительство Италии посчитало, что частное лицо не может обращаться с подобными заявлениями, а спор подлежит рассмотрению исключительно на основе положений национального законодательства.

Господин Коста потребовал передачи дела в Суд Европейских Сообществ, а национальный суд, в свою очередь, обратился в Суд ЕС с преюдициальным запросом.

Суд разъяснил, что поскольку, государства-члены передали ЕС определенные полномочия, в различных сферах, они ограничили свои суверенные права, и, таким образом, для того, чтобы нормы права Европейского Союза применялись эффективно, способствовали достижению целей интеграционного объединения, они должны иметь приоритет над любыми положениями национального законодательства, включая конституции.

К другим делам, в решениях по которым Суд подтвердил примат права ЕС, можно отнести: - Ответ на преюдициальный запрос, поданный Верховным судом Франкфурта-на-Майне⁵ по делу, находящемуся на его рассмотрении в отношении действительности третьего подпункта статьи 12 (1) регламента № 120/67/ЕЕС совета от 13 июня 1967 года об общей организации рынка зерновых и статьи 9 регламента № 473/67/ЕЕС Комиссии от 21 августа 1967 года о лицензиях на импорт и экспорт зерновых и продуктов их переработки.

И касалось условий выдачи лицензий на импорт и экспорт таких продуктов при внесении депозита, гарантирующего выполнение обязательства по импорту или экспорту в течение срока действия лицензии; а также аннулировании обязательства по импорту или экспорту и возврат депозита только в связи с обстоятельствами непреодолимой силы.

⁵Case 11-70. ECLI:EU:C:1970:114.

Истец при рассмотрении дела в национальном суде заявлял, что система депозитов противоречит определенным структурным принципам национального конституционного права, которые должны быть защищены в рамках права сообщества, в результате чего примат наднационального права должен уступить место принципам основного закона Германии. В частности, утверждал, что система депозитов противоречит принципам свободы осуществления предпринимательской деятельности и распоряжения имуществом, экономической свободы и пропорциональности, вытекающим из положений Основного закона Германии, а обязательство по импорту или экспорту, требующее получения лицензий, а также внесения депозита, представляет собой чрезмерное вмешательство в свободу осуществления торговли.

Суд пришел к выводу, что требование получения лицензий на импорт и экспорт, предусматривающее для лицензиатов обязательство осуществлять предлагаемые операции под гарантию депозита, представляет собой метод, который является необходимым и уместным для того, чтобы компетентные органы могли наиболее эффективным образом определять свои действия на рынке зерновых.

А также указал, что решение об обоснованности мер, выносимых институтами сообщества, следует принимать исключительно на основе законодательства Сообщества. Положения таких актов не могут быть отменены нормами национального права (в каком бы источнике и как бы они ни были сформулированы) без того, чтобы правовая основа самого сообщества не была поставлена под сомнение.

Из чего суд сделал вывод о том, что на действительность акта сообщества, его применение в государстве - члене не могут влиять положения национальных актов, даже сформулированных конституцией этого государства, или принципам его конституционного устройства.

- В деле *Simmenthal* против Министра финансов Италии⁶ Суд отвечая на преюдициальный запрос Итальянского суда, должен был решить вопрос о соответствии ветеринарных сборов и сборов за общественное здравоохранение, взимаемые при импорте говядины и телятины, в соответствии со Сводом итальянских законов о Ветеринарии и общественном здравоохранении, положениям актов ЕС (в частности Регламента № 805/68 от 27 июня 1968 года Об общей организации рынка говядины и телятины).

Рассматривая спор национальный Суд установил, взимание рассматриваемых сборов было несовместимо с положениями актов сообщества и обязал итальянское финансовое управление возместить незаконно взимаемые сборы вместе с процентами министерство обжаловало данное решение.

Рассмотрев обстоятельства дела и доводы сторон Суд Сообществ пришел к заключению, что в соответствии с принципом приоритета права Сообществ, положения актов наднационального права не только своим вступлением в силу автоматически делают неприменимыми любые противоречащие ему положения действующего национального законодательства, но и имеют приоритет в нем, также исключая возможность принятия новых национальных законодательных актов в той мере, в какой они были бы несовместимы с положениями права сообщества.

В свою очередь, национальный суд, который призван в пределах своей юрисдикции применять положения права сообществ, обязан применять эти положения в полной мере, при необходимости отказываясь применять любое противоречащее праву ЕС положение национального законодательства, даже если оно было принято впоследствии, и суду нет

⁶ Case 106/77. ECLI:EU:C:1978:49

необходимости запрашивать или ожидать предварительной отмены таких положений.

- Дело *Marleasing*⁷ по преюдициальному запросу Испанского национального суда в котором рассматривался вопрос о своевременности имплементации положений Директивы в национальное законодательство. А также вопроса о том, может ли физическое лицо ссылаться на положения директивы, не имплементированной всрок в национальное законодательство.

Суд, директива сама по себе не может налагать обязательств на физическое лицо, следовательно, на положение директивы нельзя ссылаться как таковое в отношении такого лица, однако, следовало определить обязан ли национальный суд, рассматривающий дело, подпадающее под действие Директивы толковать свое национальное законодательство в свете формулировки цели этой директивы.

В принятых ранее решениях⁸ суд указывал, что в Директиве устанавливается обязательство государств-членов ЕС достичь результата, предусмотренного ее положениями, и принять все соответствующие меры, необходимые для обеспечения выполнения этого обязательства. При применении национального законодательства, независимо от того, были ли рассматриваемые положения приняты до или после положений соответствующей директивы, национальный суд, призванный толковать ее, обязан делать это, насколько это возможно, в свете того как сформулированы цели директивы, чтобы достичь результата, преследуемого принятием Директивы.

Если обнаруживается коллизия между положениями актов ЕС и национального права, законодательство ЕС имеет преимущественную силу над противоречащим им национальным актом.

⁷ Case C-106/89. ECLI:EU:C:1990:395.

⁸ Например, дело 14/83 Фон Колсон и Каманн против Земли Северный Рейн-Вестфалия.

При этом положения национальных актов не аннулируются автоматически и не признаются недействительными.

Однако, национальные суды и органы, наделенные соответствующими властными полномочиями должны отказываться применять эти положения, пока действуют нормы ЕС.

Суд не однократно подчеркивал, что Принцип примата права ЕС должен применяться ко всем национальным актам, независимо от того, были ли они приняты до или после рассматриваемого акта ЕС, равно как независимо от того положениях каких актов они содержатся (даже если это положения Основного закона государства-члена).

Определяя Принцип верховенства права Европейского Союза Суд не однократно, рассматривая дела или отвечая на преюдициальный запрос, подчеркивал, что он основан на постулате о том, что в случае обнаружения коллизии между нормами права Европейского Союза и национальных актов государств-членов, нормы наднационального права (права ЕС) будут иметь преимущественное значение и силу.

В противном случае обесценивается, дпа и попросту становится невозможным проведение политике ЕС, так как государства-члены могли бы просто позволить своим национальным актам иметь приоритет над положениями актов как первичного, так и вторичного права Европейского Союза.

Как уже отмечалось, рассматриваемый принцип не закреплен в положениях учредительных договоров ЕС, формировался в течении определеннного времени посредством прецедентного права Суда Европейского Союза. И хоть принцип и не получил закрепления в учредительных договорах ЕС, но была принята так называемая Декларация

о Примате⁹. Которая закрепила, что из прецедентного права Суда следует, что преобладание норм права ЕС является краеугольным принципом права Сообщества. По мнению Суда, этот принцип присущ специфической природе Европейского сообщества. На момент вынесения первого решения по этому вопросу в договоре не было упоминания о приоритете, впрочем как и сегодня.

Тот факт, что принцип верховенства Права ЕС возможно не будет закреплён в положениях учредительных договоров, никоим образом не меняет существования этого принципа и выработанной прецедентной практики Суда ЕС.

Так как суд также отмечал при рассмотрении ряда дел¹⁰, что акты, принятые институтами ЕС, способны создавать юридические права, которые могут быть реализованы как физическими, так и юридическими лицами в судах государств-членов ЕС. В связи с чем, принцип Верховенства права ЕС направлен на обеспечение единого уровня защиты прав человека на всей территории государств-членов.

Следует отметить, что принцип приоритета права ЕС применяется только в тех случаях, когда государства-члены передали суверенные права Европейскому Союзу, например, в таких областях, как единый внутренний рынок, окружающая среда, транспорт и т. д. Однако он не применяется в таких областях, как образование, культура или туризм и молодежная политика.

⁹ Принята в качестве приложения к Заключительному акту ДФЕС <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12008E%2FAFI%2FDCL%2F17> (дата последнего обращения 23 августа 2023 года).

¹⁰ Например, *Ван Генд и Лоос и другие*.

Принцип Прямого действия права Европейского Союза

Принцип прямого действия означает, что нормы права Европейского Союза наделяют субъективными правами и обязанностями не только государства-члены, но и непосредственно физических и юридических лиц.

Рассмотрев дело *Simmenthal*¹¹ суд определил, что прямое применение права Сообщества означает: что нормы права ЕС должны полностью и единообразно применяться во всех государствах - членах с даты их вступления в силу; положения норм права ЕС являются прямым источником прав и обязанностей для всех, кого они затрагивают (будь то государства - члены или частные); а также любого национального суда, задачей которого как органа государства - члена является защита прав, предоставленных отдельным лицам законодательством сообщества.

Основополагающим в процессе становления принципа прямого действия явилось дело *van Gend & Loos*¹² против налогового управления Нидерландов.

Одним из вопросов, который был поставлен в преюдициальном запросе перед судом, был вопрос о том, имеет ли статья 12 учредительного договора прямое применение в национальном законодательстве в том смысле, чтобы граждане государств - членов могли на основании положений этой статьи претендовать на права, которые должен защищать национальный суд.

Чтобы дать ответ на указанный вопрос, Суд обратился к общему духу, структуре положений Договора, рассмотрев цель деятельности ЕЭС - создание и поддержание функционирования внутреннего рынка.

Суд указал, что в соответствии с положениями Договора (ст 117) на него возложена обязанность по обеспечению единообразного толкования положений Договора национальными судами, а также что в связи с

¹¹ Case 106/77. ECLI:EU:C:1978:49

¹² Case 26-62. ECLI:EU:C:1963:1.

признанием государствами принципа Приоритета права ЕС, граждане государств-членов могут ссылаться на указанный приоритет в национальных судах.

Таким образом, право ЕС представляет собой особую правовую систему, а субъектами права сообществ являются не только государства - члены, но и их граждане. В связи с чем, независимо от законодательства государств - членов, законодательство сообществ не только налагает обязательства на отдельных лиц, но и призвано наделять их правами. Следовательно, граждане государств-членов могут воспользоваться этими правами и напрямую ссылаться на законодательство ЕС в национальных судах, независимо от того, существуют ли соответствующие положения, закрепляющие такую возможность в национальном праве или нет.

При этом Суд выделил два вида прямого действия — вертикальное и горизонтальное:

а) вертикальное прямое действие — имеет значение в отношениях «индивид — власть», т. е. в правоотношениях между частными лицами и государственными органами и учреждениями. Исходя из чего частные лица могут ссылаться на положения актов ЕС в отношении государства.

б) горизонтальное прямое действие — имеет значение при регулировании «горизонтальных» правоотношений, отношений между частными лицами (например, обязательства в сфере обеспечения прав потребителя, то есть обязательство из договора между потребителем и его контрагентом- продавцом или из договора между двумя предприятиями - производителями).

Так же Суд отметил, что прямое действие может быть полным (речь идет о сочетании горизонтальное прямое действия и вертикальное прямое действия), либо частичным (когда речь идет только о вертикальном прямом действии).

В решении по делу van Gend & Loos, Суд закрепил условие о том, указанные указные права и обязанности должны быть точными, ясными и безоговорочными и не должны требовать принятия дополнительных мер, ни на национальном, ни на европейском уровне.

В решении по делу Ursula Becker¹³ Суд, развил данное положение. Директива является обязательной в отношении результата, который должен быть достигнут, для каждого государства - члена, которому она адресована, но оставляет за национальными властями выбор формы и методов ее реализации (имплементации). Следовательно, общий характер рассматриваемой директивы или свобода действий, которую в других областях она предоставляет государствам - членам ЕС, не могут служить основанием для отказа в действии тем положениям, на которые с учетом предмета регулирования можно сослаться в суде, даже если директива не была своевременно имплементирована в национальное законодательство.

Таким образом Судом было установлено, что принцип прямого действия не имеет универсального характера, то есть его применение зависит от вида источника права Европейского Союза, в котором закреплена соответствующая норма:

В отношении актов первичного права — нормы учредительных договоров имеют прямое действие, если они достаточно четко закрепляют субъективное право или обязанность, в том числе обязанности государств-членов;

В отношении актов вторичного права, следует отметить, что Принцип прямого действия также применяется к актам вторичного права, то есть актам, принятым институтами ЕС, таким как регламенты, директивы и решения, которые должны соответствовать принципам и целям,

¹³ Case 8/81. ECLI:EU:C:1982:7 .

изложенным в учредительных договорах. Вместе с тем применение Принципа прямого действия зависит от вида акта.

Так Регламенты применяются непосредственно в государствах-членах, как указано в статье 288 Договора о Функционировании Европейского Союза: имеют прямое действие в полном объеме; более того, государствам-членам запрещено подменять регламенты своим внутренним законодательством (например, издавать нормативные акты, воспроизводящие предписания регламентов).

Директивы – это акты, адресованные государствам-членам ЕС, которые должны быть имплементированы в национальное законодательство. Однако, в некоторых случаях Суд признает прямое действие директив с целью защиты прав отдельных лиц. Таким образом, в решении *Yvonne van Duyn*¹⁴ против Министерства внутренних дел Суд установил, что директива имеет прямое действие, если ее положения являются безусловными, достаточно ясными и точными и когда государство-член не имплементировало директиву в национальное законодательство в указанный в ней срок. Следует подчеркнуть, что применение такого исключения возможно только к вертикальным отношениям.

Решения могут иметь прямое действие, если в них в качестве адресата упоминается государство-член. Таким образом, Суд признает только прямое вертикальное применение (решение по делу *Hansa Fleisch*¹⁵).

Следует обратить внимание на применение принципа прямого действия в отношении положений Международных соглашений. В решении *Meryem Demirel*¹⁶ Суд признал прямое действие некоторых соглашений в соответствии с теми же критериями, которые были определены в деле *van*

¹⁴ Case 41-74. ECLI:EU:C:1974:133

¹⁵ Case C-156/91. ECLI:EU:C:1992:423

¹⁶ Case 12/86. ECLI:EU:C:1987:400

Gend & Loos, это касается и соглашений с Российской Федерацией (например, Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве с Россией 1994¹⁷).

В деле Peter Kaefel and Andréa Procacci¹⁸ Суд указал, что он неоднократно выносил решения по вопросам, касающимся возможного прямого действия определенных положений соглашений, заключенных Сообществом со странами, не являющимися членами ЕС.

Кроме того, в прецедентном праве установлено, что положения решений Совета оказывают прямое воздействие на правовые отношения между государствами-членами и теми, кто подпадает под их юрисдикцию, поскольку, если они налагают безусловное и достаточно ясно сформулированное обязательство на государства-члены, они тем самым создают индивидуальные права, которые национальные суды должны защищать (например, Решение по делу Franz Grad¹⁹ и, в отношении решений, принятых на основе соглашения об ассоциации, например, Дело Sezgin Ergat²⁰).

Говоря еще о двух видах источников вторичного права – рекомендациях и заключениях, следует отметить, что заключения и рекомендации не имеют обязательной юридической силы, следовательно, не имеют и прямого действия.

Таким образом, в 1980-е гг. из принципа верховенства Суд вывел принцип лояльной интерпретации, называемый также принципом косвенного действия. Данный принцип требует от судебных органов государств-членов осуществлять толкование национального

¹⁷ <https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravu-evropejskogo-soyuza/soglashenie-o-partnerstve-i-sotrudnichestve-mezhdu-es-i-rossiej-1994-g/> (дата обращения 23 августа 2023 года).

¹⁸ Joined cases C-100/89 and C-101/89. ECLI:EU:C:1990:456

¹⁹ Case 9-70. 61970J0009

²⁰ Case C-329/97. ECLI:EU:C:2000:133

законодательства в соответствии с правом ЕС, включая нормы, содержащиеся в директивах Сообщества.

А в 1990-е гг. Суд установил принцип имущественной ответственности государств-членов перед физическими/юридическими лицами за ущерб, причиненный нарушением с их стороны норм права ЕС (дело Франкович).

При подписании Лиссабонского договора о реформе Европейского Союза от 13 декабря 2007 г. (см. вопрос № 17) государства-члены в специальной декларации подтвердили свою приверженность принципу верховенства (примата) права Европейского Союза в том виде, как он был сформулирован судебной практикой Суда Европейских сообществ («Декларация о примате» от 13 декабря 2007 г.).

После вступления в силу Лиссабонского договора принцип верховенства, а равно принцип прямого действия права Европейского Союза регулируются, применяются и охраняются на основании судебной практики (прецедентного права) Суда Европейских сообществ, переименованного Лиссабонским договором в Суд Европейского Союза.

3. Подходы Суда ЕС к формированию внутреннего рынка Союза

Согласно ст. 26 (2) ДФЕС внутренний рынок представляет собой пространство без внутренних границ, в котором согласно положениям Договоров обеспечивается свободное передвижение товаров, лиц, услуг и капиталов. Свободное передвижение товаров, лиц, услуг и капиталов представляют экономические свободы Союза, ради обеспечения которых и были учреждены Европейский Сообщества, а впоследствии и Европейский Союз.

Первой экономической свободой, на которой построен внутренний (общий, единый) рынок Союза является свобода передвижения товаров, которая предполагает исключение всех количественных ограничений на

импорт, а также мер, равнозначных количественным ограничениям. В данном контексте примечательна роль Суда в контексте выработки ключевых дефиниций. В частности, Судом было выработано определение количественных ограничений как «мер, ведущих к полному или частичному ограничению, в зависимости от обстоятельств, импорта, экспорта или транзита» (решения Суда ЕС по делу № 2/73 *Geddo v. Ente Nazionale Risi* [1973] ECR 865). Также в рамках судебной практики сформулированы понятия «мер, равнозначных количественным ограничениям», под которыми понимаются «все торговые правила, принимаемые государством-членом Сообщества, которые способны прямо или косвенно, реально или потенциально причинить ущерб торговле внутри Сообщества»²¹.

Помимо собственно определения, судебные решения содержали указание на главный критерий, соответствию которому позволяло квалифицировать те или иные меры как имеющие эффект, равнозначный количественным ограничениям. К такому критерию относятся последствия (сам эффект) принятия мер, при этом наличие дискриминационного характера в подобных мерах не является обязательным. Также для квалификации тех или иных национальных норм в качестве мер, имеющих равнозначный количественным ограничениям эффект, не требуется факта дискриминации импортных товаров по отношению к товарам внутреннего производства.

Значимую роль в формулировании подходов к определению мер, эквивалентных количественным ограничениям, сыграло решение по делу «*Dassonville*» (8/74)²². В соответствии с данным решением «меры государств — членов, ...препятствующие прямо или косвенно, реально или

21 Решения Суда ЕС по делу № 7/68 *Commission v. Italy* [1968] делам № 2 - 3/69 *Social Fonds voor de Diamantarbeiders v. SA f-h- Brachfeld & Sons* [1969] ECR 211; делу № 24/6K *Commission v. Italy* [1969] ECR 193; делу № 18/87 *Commission v. Germany* [1988] ECR 5427 и др.

22 *Dassonville* — 120/78 от 20.02.1979

потенциально торговле между государствами — членами, считаются мерами, последствия которых эквивалентны количественным ограничениям»²³. Данная формулировка известна в настоящее время как «формула Дассонвилль» и впоследствии неоднократно уточнялась и интерпретировалась в последующих судебных решениях. Так, Суд Союза отмечал, что статья 28 ДФЕС обладает вертикальным действием, т. е. применяется к правоотношениям с участием государственных и квазигосударственных органов (при этом данная статья не предполагает возможности т. н. «горизонтального» применения, т. е. в отношениях с участием индивидов)²⁴. Суд ЕС также разъясняет понятия «реальные или потенциальные», «прямые или косвенные» меры, препятствующие взаимной торговле²⁵.

Судом также сформулировано понятия «сборов, имеющих равнозначный таможенным пошлинам эффект». Под таким сбором понимается «любой денежный сбор, каким бы малым он ни был и каковы бы ни были его назначение и способы взимания, наложенный в одностороннем порядке на отечественные и импортные товары при пересечении ими границы и не являющийся таможенной пошлиной в строгом смысле, даже если он не приносит прибыли государству, не является дискриминационным или протекционистским, и продукция, на которую он налагается, не является конкурирующей с любой отечественной продукцией»²⁶.

Для становления внутреннего рынка Союза основополагающим является дело «*Cassis de Dijon*» (120/78), в котором были сформулированы

23 Там же.

24 C-265/95 Spanish strawberries (1997)

25 C-67/97 Bluhme (1998)

26 Решения Суда ЕС по делу № 7/68 *Commission v. Italy* [1968] делам № 2 - 3/69 *Social Fonds voor de Diamantarbeiders v. SA f-h- Brachfeld & Sons* [1969] ECR 211; делу № 24/6K *Commission v. Italy* [1969] ECR 193; делу № 18/87 *Commission v. Germany* [1988] ECR 5427 и др.

общие принципы регулирования не только свободы движения товаров, но и других свобод. В рамках данного дела власти Федеративной Республики Германия отказали в разрешении продажи на территории Германии французского черносмородиночного ликера из-за содержания в нем 15—20% спирта, а не 32%, как это предписывалось местным законодательством. По итогам судебного разбирательства Суд принял решение в пользу Франции, представив критерии, на основании которых должен функционировать правовой механизм свободы передвижения товаров. К таким критериям относят: взаимное признание (эквивалентность) и страну происхождения товара; императивные требования; пропорциональность.

Взаимное признание предполагает, что «в отсутствие гармонизирующего вторичного права ЕС товары, законным образом производимые и продаваемые в одном государстве — члене могут, в принципе, беспрепятственно продаваться в другом государстве — члене без дальнейших ограничений». Таким образом, Германии следует признать стандарты Франции равнозначными своим собственным.

Что касается критерия императивных требований, то он затрагивает и дополняет изъятия, перечисленные в статье 30 (1) ДФЕС. К условиям применения императивных требований Суд отнес: отсутствие гармонизации; действие только в отношении одинаково применяемых мер, отрицательными последствиями применения которых может стать скрытая (подразумеваемая) дискриминация; применение требований при условии, что проводимая государствами политика не преследует чисто экономические цели. К таким требованиям практика относит: добросовестность торговли, здравоохранение, защиту окружающей среды, эффективность налогового контроля; защиту основных прав человека и др.

Третий критерий - пропорциональность, предполагает, что принимаемые на уровне государства-члена ЕС меры должны соответствовать цели, на достижение которых они направлены. Таким

образом, речь идет об обеспечении баланса между целями введения меры и её отрицательными последствиями для свободного передвижения товаров. Судом ЕС были сформулированы критерии, которыми должны руководствоваться национальные суды государств-членов ЕС при определении пропорциональности вводимых мер. К ним относят критерий «уместности» и критерий «необходимости».

Уместность предполагает оценку адекватности вводимой меры с точки зрения всех лиц, интересы которых она затрагивает. Необходимость связана с определением того, мог ли законодатель принять более мягкую меру во избежание отрицательных последствий для обеспечения свободны передвижения товаров между государствами-членами ЕС.

Решение Суда ЕС по делу *Cassis de Dijon* позволило увеличить возможности потребителей и производителей государств-членов ЕС в отношении свободной продажи и покупки товаров. При этом данное решение позволило сформировать децентрализованный механизм регулирования свободы передвижения товаров в рамках ЕС, который вынужден учитывать особенности правовой регуляторики на уровне государств-членов, а также их культурную и социальную специфику. Кроме того, такой механизм позволяет ограничить действия критерия взаимного признания во избежание попадания на рынки государств-членов товаров низкого качества.

В решении по делу «*Keck & Mithouard*»²⁷ Суд сформулировал существенное положение, которое стало использоваться при осуществлении свободы передвижения товаров в рамках ЕС. Указанным решением было проведено разграничение между законами государств-членов, устанавливающих требования к товарам (их производству, упаковке, форме, весу, внешнему виду в целом), и законами, определяющими «способы и

27 См.: С-267-268 / 91 — *Keck & Mithouard* (1993).

методы продаж». Суд определил, что положения законодательных актов государств-членов, регламентирующие «способы (и методы) продаж» не подпадают под действие «формулы Дассонвилль» и в отличие от количественных ограничений не являются препятствием, «прямым или косвенным, реальным или потенциальным», торговле между государствами — членами и не нарушают статью 28 ДФЕС, если выполняются следующие условия:

а) нормы законодательства государства-члена, регулирующие внутреннюю торговлю, применяются ко всем участникам делового оборота на территории данного государства — члена;

б) действия и последствия этих норм не являются дискриминационными для импортных и отечественных товаров в равной степени;

в) поскольку предыдущие условия выполнены, то применение таких норм к продаже товаров из других государств — членов не должно служить препятствием доступу этих товаров на рынок государства — члена импортера, или не должно ограничивать этот доступ в большей мере, чем отечественным товарам.

Выводы по данному решению известны как «формула КЕК». Несмотря на явный позитивный эффект в обеспечении развития принципа свободы передвижения товаров, в доктрине оно подверглось критике в связи с тем, что Суд встал на защиту интересов государств-членов в ущерб развитию процессов экономической интеграции. Проблемным аспектом стало отсутствие четкого юридического понятия «определенные способы продаж», что привело к его расширительному толкованию. Кроме того, вопросы вызывало отсутствие возможности выявить различие между мерами, касающимися регулирования самого товара, и мерами, регулирующими «определенные способы продаж».

Значимой составляющей внутреннего рынка ЕС является свобода передвижения лиц, которая включает свободу передвижения работников без какой-либо дискриминации по признаку гражданства в отношении найма, вознаграждения, условий труда и занятости, а также право на жительство и экономическую деятельность граждан одного государства-члена в другом государстве-члене. В решениях Суда ЕС конкретизированы подходы к определению понятия «работник». Так, в деле *«Hoekstra v BBDA»* Суд отметил, что «создание этой дефиниции является исключительной компетенцией национальных судов государств-участников», что дает возможность модифицировать содержание термина и сделать его соответствующим критериям защиты в рамках ДФЕС для каждой категории лиц. В деле *«Levin v Staatssecretaris»* сформулирован такой подход к понятию работника: лицо, занятое неполный рабочий день, признается работником при условии, что оно занимается полезной, эффективной и реальной деятельностью экономического характера, которая не является подсобной или вспомогательной. В деле № 139/95 *«Kempf v Staatssecretaris»* работником признан учитель музыки (из Германии), занятый неполный рабочий день, при условии, что он получал дополнительные выплаты (в Нидерландах), необходимые для приведения его дохода в соответствие с минимальным прожиточным уровнем. Таким образом, необходимость детализации регулирования права на свободу передвижения в рамках ЕС привела к формулировке различных подходов на уровне судебной практики.

Свобода движения услуг тесно связана со свободой передвижения лиц. Общей составляющей обеих свобод является то, что они направлены на уравнивание в каждом государстве-члене условий жизни и труда своих граждан и граждан других государств-членов. Вместе с тем, именно свобода движения услуг подразумевает только такую, приносящую вознаграждение деятельность, которая временно осуществляется на территории другого

государства-члена. Данный аспект не характерен для свободы движения лиц.

В рамках практики Суда ЕС продемонстрировано, что одна и та же деятельность может представлять собой и свободу движения услуг, и свободу движения капиталов. В частности, Судом ЕС сформулировано определение смежной услуги, под которой понимается, в том числе предоставление ипотечного кредита как банковской услуги, связанной с движением капиталов. Тем не менее, свобода оказания услуг и движения капиталов различаются степенью либерализации. Свобода движения капиталов может быть ограничена мерами, которые не могут быть сняты в рамках свободы оказания услуг. В свою очередь, свобода оказания услуг применяется только к гражданам ЕС и приравненным к ним юридическим лицам. Такое ограничение в отношении свободы движения капиталов отсутствует.

Содержание принципа свободы движения капиталов формировалось под воздействием судебной практики. В своих решениях Суд подчеркивает, что в случае движения капиталов речь идет о финансовых операциях, связанных с вложением денежных средств или иного имущества²⁸. Движение капиталов определяется как трансферт имущественных (прав участия, недвижимости и пр.) и денежных ресурсов (кредиты, размещение облигационных займов и пр.) в целях создания определенного права или обмена на определенное право. При этом, речь идет о таких финансовых транзакциях, которые носят самостоятельный характер, а не осуществляются в связи с поставками товаров, оказанием услуг или перемещением рабочей силы. Таким образом, свобода движения капиталов представляет собой отдельный принцип права внутреннего рынка Союза.

28 См.: Топорнин Б.Н. Европейское право: учебник. - М.: Юрист, 2001. - 252 с.

Таким образом, решения Суда ЕС интерпретируют, детализируют и восполняют пробелы актов первичного и вторичного права Союза в сфере права внутреннего рынка. Кроме того, рассматривая дела прямой юрисдикции и по преюдициальным запросам национальных судов, судебный институт формулирует правовые подходы к определению важнейших дефиниций в области права внутреннего рынка, основополагающих категорий и критериев. Наконец, судебные решения выступают в качестве источника права внутреннего рынка Союза, поскольку устанавливают прямое действие четырех основных экономических свобод и их толкование.

4. Эволюция компетенции Суда ЕС.

Внутренний рынок ЕС охватывает различные категории товаров, к которым относятся и энергетические ресурсы. С учетом значимости данной сферы для Союза полагаем возможным рассмотреть *эволюцию компетенции Суда ЕС в области внутреннего рынка на примере одного из ключевых товаров — энергии.*

Энергетика лежит в основе социальной активности в развитых странах. Так, затраты на электроэнергию оказывают воздействие не только на отрасли с большим потреблением энергии, но и на стоимость жизни граждан, в частности, из-за влияния цен на энергоносители, транспортные расходы и отопление. Европейская энергетическая политика должна, с одной стороны, обеспечить бесперебойное функционирование единого энергетического рынка, а, с другой стороны, гарантировать поставки относительно дешевых и безопасных энергоносителей для государств-членов ЕС. Таким образом, общая энергетическая политика вращается вокруг двух осей: функционирование внутреннего энергетического рынка и безопасности поставок энергоносителей.

Что касается эволюции наднациональной юрисдикции Суда Европейского Союза в области энергетики, необходимо выделить три этапа: 1) 1952 – 1993 гг.; 2) 1993 – 2009 гг.; 3) 2009 – настоящее время. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Первый этап (1952-1993 гг.). Полномочия по рассмотрению и разрешению дел в энергетическом секторе были закреплены за судебным институтом ещё с момента появления в 1951 году первой региональной интеграционной организации, которая в дальнейшем легла в основу построения Европейского Союза – Европейского объединения угля и стали, членами которого стали шесть европейских государств: Франция, Федеративная Республика Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург. По сути, Суд Европейского объединения угля и стали стал прообразом современного Суда Европейского Союза. Отличался он, в первую очередь тем, что его юрисдикция распространялась на довольно узкую сферу общественных отношений – общий рынок угля и стали. Предприятия и их объединения, работающие в угледобывающей сфере, а также физические лица с момента вступления в силу Договора об учреждении Европейского объединения угля и стали (другое название – Парижский договор) 23 июля 1952 года получили возможность непосредственно обращаться в наднациональный Суд за защитой своих прав и законных интересов, коей не преминули воспользоваться, инициировав создание вместе с другими управомоченными субъектами судебной практики.

Наднациональному судебному институту в Парижском договоре была посвящена глава IV. В соответствии с положениями Договора состав Суда был представлен семью судьями и двумя генеральными адвокатами. При этом предусматривалось, что каждые три года происходит частичное обновление состава судей и генеральных адвокатов. По результатам рассмотрения дела Суд принимал решения, не подлежащие пересмотру

никакой другой судебной инстанцией. Государства-члены и другие управомоченные субъекты (институты, органы, учреждения ЕОУС, а также предприятия, их объединения и физические лица) должны были неукоснительно исполнять решения судебного института, дабы избежать наложения штрафных санкций в форме неустойки либо уплаты единовременной суммы (статья 36 Договора о ЕОУС).

Юрисдикция Суда ЕОУС охватывала как иски об аннулировании, так и иски из бездействия, предъявляемые к институтам, органам и учреждениям ЕС. В полномочия Суда ЕОУС входило рассмотрение и преюдициальных запросов. Суд ЕОУС выступил образцом для создания впоследствии Суда Европейского экономического сообщества, чьи полномочия не существенно отличались от его предшественника. Он стал первым наднациональным судебным институтом, рассматривающим дела в энергетической сфере, хотя и весьма узкой, охватывающей лишь угольную промышленность государств-членов.

В 1957 году по принятии соответствующих Договоров были учреждены еще две интеграционные организации – Европейское экономическое сообщество и Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом). Первое из них представляло европейское объединение общеэкономической компетенции, ведавшее вопросами разработки и осуществления общей политики в различных сферах жизни: торговля, транспорт, сельское хозяйство и т.д. Тем не менее, несмотря на подлинно широкий характер компетенции данной организации, Договор об учреждении ЕЭС 1957 года не затрагивал вопросы энергетической политики.

Вторая организация, Евратом, так же как и ЕОУС, представляла собой организацию специальной компетенции, занимающейся вопросами сотрудничества государств-членов в области мирного использования ядерной энергии (для научных исследований и развития промышленности).

Она стала еще одним «энергетико-ориентированным» интеграционным объединением на европейском континенте.

Римские договоры 1957 года, так же как и их предшественник, Парижский договор 1951 года, утвердили институциональный механизм для каждой из организаций. Оба договора предусмотрели наличие Совета (главный правотворческий орган), Комиссии (исполнительный орган), Ассамблеи (представительный институт с консультативными полномочиями). Также документы говорят и о Суде, положения о котором практически идентичны нормам, закрепленным в Договоре о ЕОУС. Неудивительно, что при заключении Римских договоров 1957 года стороны подписали дополнительное соглашение, именуемое Конвенцией о некоторых общих институтах. Результатом её подписания стало возникновение единой Ассамблеи и единого Суда Европейских Сообществ. Судебный институт теперь обладал полномочиями по рассмотрению дел в двух сферах энергетики: угледобыча и атомная энергетика.

Первое энергетическое дело, рассмотренное Судом ЕС, не только оказало влияние на развитие энергетического права, но и на правовую систему ЕС в целом, сформулировав один из функциональных принципов права Европейского Союза – принцип верховенства права ЕС. Речь идет о деле «Costa v. ENEL»²⁹. Предметом указанного дела стал преюдициальный запрос о толковании статей 102, 93, 53 и 37 Договора об учреждении Европейского экономического сообщества, который был направлен в Суд ЕС Миланским магистратом в рамках рассмотрения дела против Национального совета по электроэнергии.

Обстоятельства дела были следующими: гражданин Италии, господин Фламинио Коста, выступал против национализации энергетической компании ENEL, в которой являлся акционером, поскольку, по его мнению,

29 Case 6/64 Costa v. ENEL 1964 // ECLI:EU:C: 1964:66.

нарушается законодательство ЕС. Правительство Италии заявило, что спор необходимо рассматривать в национальном суде, поскольку физические лица не могут обращаться в судебный институт Сообществ. В связи с этим господин Коста потребовал передачи вопроса в Суд ЕС.

Вопрос, который необходимо было рассмотреть Суду, касался самостоятельности права Сообщества, его функционирования как отдельной правовой системы, а также возможности непосредственного наделения правами и обязанностями физических лиц. Кроме того Суду необходимо было затронуть вопрос об обязанности государств-членов непосредственно применять право ЕС. Суд пришел к выводу, что право Европейских Сообществ представляет собой самостоятельную правовую систему, в рамках которой частные лица непосредственно наделяются правами, а государства-члены обязанностями по защите таких прав. Суд отметил, что создавая Европейские Сообщества, государства-члены пожертвовали частью своих суверенных полномочий в пользу наднациональных институтов, тем самым оставляя за собой право лишь издавать акты, основанные на праве Сообщества, которое действует самостоятельно. Этим выводом Суд и сформулировал принцип верховенства права Европейского Союза, а также принцип прямого действия права ЕС на территории государств-членов.

С 1970-х гг. и вплоть до принятия Единого европейского акта 1986 года Суд ЕС, если и сталкивался с разрешением дел, лежащих в плоскости энергетического права, то при их рассмотрении опирался, как правило, на нормы, регулирующие внутренний рынок Европейского Союза, преимущественно аспекты свободы движения товаров. Ярким примером является решение по делу «Campus Oil»³⁰, в котором Суд ЕС оправдал наличие в законодательстве Северной Ирландии обязательства импортеров

30 Case 72/83 Campus Oil 1984 // ECLI:EU:C: 1984:256.

нефтепродуктов приобретать значительную долю продукции на государственном заводе в целях защиты общественной безопасности. В данном случае Суд ЕС применил статью 36 Договора о ЕЭС 1957 года, предусматривающей исключения из положения о запрете количественных ограничений экспорта и импорта или мер, имеющих равнозначный эффект (в числе таких исключений значится защита общественной безопасности). Так как, по мнению Суда, «нефтепродукты являются исключительно важной составляющей современной экономики, от которой зависит жизнеобеспечение населения, <...> наличие государственного нефтеперерабатывающего предприятия снижает риск возникновения зависимости от импорта нефти и, таким образом, вносит существенный вклад в обеспечение национальной безопасности»³¹.

Единый европейский акт (далее – ЕЕА), принятый 17 февраля 1986 года и вступивший в силу 1 июля 1987 года, стал первым и последним ревизионным договором Европейских Сообществ. Статья 1 данного документа видела цель Европейских Сообществ в том, чтобы «способствовать сообща реальному продвижению к европейскому единству». Государства-участники были недовольны темпами развития интеграции в рамках созданных ими организаций. Назрела необходимость завершить начавшийся в конце 1950-х гг. процесс создания единого экономического пространства, внутреннего рынка, подготовить европейские государства к новому этапу экономического сотрудничества – экономическому и валютному союзу. Требовалось внести соответствующие изменения и в перечень сфер ведения Европейских Сообществ в рамках намечающейся тенденции к постепенному расширению их компетенции. ЕЕА действительно предусмотрел новые сферы предметной компетенции ЕЭС, включив в нее научно-техническую, региональную политику, защиту

31 Там же.

прав потребителей и защиту окружающей среды. И по-прежнему в документе нет ни слова об энергетической политике государств-членов Сообществ. Таким образом, данная сфера продолжала регулироваться секторными соглашениями (Договор о ЕОУС 1951 года и Договор о Евратоме 1957 года), правда, в отдельных случаях «на помощь» институтам приходили положения Договора о ЕЭС, затрагивающие аспекты защиты окружающей среды и обеспечения функционирования внутреннего рынка.

Единый европейский акт установил дату окончательного построения внутреннего рынка – 31 декабря 1992 года. Для реализации этого положения в части построения единого рынка энергетики в мае 1988 году Комиссией был принят рабочий документ под названием «Внутренний энергетический рынок», в котором был представлен проект плана постепенной либерализации энергетических секторов экономики государств-членов. План предполагал устранить препятствия технического и налогового характера во взаимоотношениях между государствами по вопросам энергетики. В нем впервые зашла речь о необходимости проведения скоординированной политики по вопросам ценообразования в энергетическом секторе, содействия развитию инфраструктуры и беспрепятственному транзиту энергоносителей. Указанный документ предвосхитил появление в 1990-е гг. обширного директивного регулирования в сфере построения внутреннего энергетического рынка Европейского Союза.

Суд ЕС в это время (вплоть до вступления в силу Договора о Европейском Союзе 1 ноября 1993 года) разрешал дела, возникающие в области энергетики. Это были дела как прямой, так и преюдициальной юрисдикции. В рамках прямой юрисдикции Суд разрешал споры, возникающие из нарушения обязанностей государств-членов по трансформации во внутреннее право директив, затрагивающих

энергетические аспекты (дело «Commission v Belgium» (C-374/89)³²). Запросы судебных органов государств-членов в данной области, как правило, касались не просто получения официального толкования положений Договоров, а ставили своей целью установление соответствия внутригосударственного права праву Сообществ. Так в деле «Hennen Olie v ICOVA and State of the Netherlands» (C-302/88)³³ Суду надлежало проверить, соответствуют ли положения голландского закона, принятого в целях имплементации Директивы 68/414/ЕЭС от 20 декабря 1968 года об обязанности государств-членов ЕЭС сохранять критический запас неочищенной нефти и (или) нефтепродуктов, статье 34 Договора о ЕЭС.

Суд пришел к выводу, что указанную статью надлежит интерпретировать как не создающую препятствий для участников, не аффилированных с компаниями, которые учреждены с целью выполнения обязательств по Директиве 68/414 и экспортируют товары (в данном случае, нефть и нефтепродукты), приобретенные на внутреннем рынке, в части отказа от возможности получить возмещение либо его получения при определенных условиях в том случае, если в отношении экспортируемых товаров и товаров, реализуемых на внутреннем рынке, будет действовать одинаковый режим.

В 1992 году Суд ЕС также рассмотрел дело в рамках добровольной подсудности. В соответствии со статьей 181 Договора о ЕЭС⁷⁶ «Суд Европейских Сообществ полномочен выносить решения на основании арбитражных оговорок, которые содержатся в публично-правовых и частно-правовых контрактах, заключенных Союзом или от его имени». В деле «Commission v Walter Feilhauer» (Case C-209/90)³⁴ Комиссия

32 Case 374/89 Commission v. Belgium 1991 // ECLI:EU:C: 1991:60

33 Case 302/88 Hennen Olie v. ICOVA and State of the Netherlands 1990 // ECLI:EU:C: 1990:455.

34 Case 209/90 Commission v. Feilhauer 1992 // ECLI:EU:C: 1992:172.

предъявила исковые требования немецкой компании о возмещении денежных средств, уплаченных исполнительным институтом ЕС в виде грантовой поддержки, за демонстрационный проект в области производства солнечной энергии.

Согласно положениям контракта, Суд ЕС при разрешении спора должен был руководствоваться нормами права Германии. В результате компании Walter Feilhauer присудили выплатить Европейской Комиссии 72 000 немецких марок в совокупности с процентами за неисполнение обязательства по договору. Любопытно, что в практике Суда ЕС это было первое дело, в котором фигурировала компания, занимающаяся вопросами производства альтернативной энергии – на тот момент стремительно развивающейся области энергетики, которая, тем не менее, сравнительно недавно стала обращать на себя внимание институтов Сообществ.

Второй этап (1993 – 2009 гг.). Единым европейским актом были заложены основы для дальнейшего создания всё более сплоченного союза между государствами членами и народами Европейского Сообщества». Он предвосхитил подписание 7 февраля 1992 года в городе Маастрихте Королевства Нидерланды Договора о Европейском Союзе (вступил в силу 1 ноября 1993 года), изменившего интеграционную конструкцию Европейских сообществ. Договор создал новую организацию, именуемую Европейский Союз, которая углубила экономическую интеграцию государств-членов, обеспечив переход на новый этап – экономический и валютный союз.

Суд по-прежнему рассматривал дела с участием энергетических компаний, руководствуясь в зависимости от характера и предмета спора положениями Договора, посвященными защите окружающей среды, внутреннему рынку, либо трансъевропейским сетям.

К 1992 году внутренний рынок ЕС был окончательно сформирован, административные и технические барьеры, некогда создающие препятствия

свободному передвижению товаров, лиц, услуг и капиталов в рамках Сообщества, исчезли. В это же время Судом ЕС было рассмотрено дело «Amelo v. Energiebedrijf IJsselmij» (Case C – 393/92)³⁵, в котором впервые один из видов энергии (электричество) был квалифицирован как товар по смыслу коммунитарного права. Указанное дело, рассмотренное в рамках преюдициального запроса регионального суда г. Арнем (Нидерланды) о толковании статей 37, 85, 86, 90 и 177 Договора об учреждении Европейского Сообщества, позволило распространить действие права внутреннего рынка Союза на энергетический сектор, породив массив прецедентной практики Суда ЕС.

Одним из правовых споров того времени, создавшим важный прецедент в праве внутреннего рынка, является дело «Outokumpu Oy» (Case C-213/96)³⁶ с участием финской компании, импортирующей электроэнергию из Швеции. О нем часто говорят в контексте свободы передвижения товаров, а именно запрета дискриминационного и протекционистского налогообложения в государствах-членах. В этом деле Суд расширительно истолковал понятие прямой дискриминации в налогообложении, включив в него помимо завышенных ставок или исключительного обложения товаров иностранного происхождения также различия в способах взимания налогов и сборов, имеющих равнозначный эффект, если такие способы предоставляют преимущество отечественным производителям. Данное дело, безусловно, сыграло важную роль не только в формировании внутреннего электроэнергетического рынка Союза, но и в развитии экономической интеграции в ЕС в целом.

Европейские энергетические компании в это время все чаще в договорах стали указывать Суд ЕС в качестве органа, уполномоченного

35 Case 393/92 Gemeente Almelo and Others v. Energiebedrijf IJsselmij // ECLI:EU:C:1994:171.

36 Case 213/96 Outokumpu 1998 // ECLI:EU:C:1998:155

разрешать споры между контрагентами. Во многом такая тенденция была связана с увеличением числа государств, вступивших в Европейский Союз. Споры касались ненадлежащего исполнения обязательств по договорам, предусматривающим оказание услуг по разработке проектов в области электроснабжения. Необходимо отметить, что практически все дела в рамках добровольной подсудности, так или иначе, имели отношение к такой сфере компетенции Союза как «трансъевропейские сети», включенной в предмет ведения наднациональной организации Маастрихтским договором 1992 года.

Последующие соглашения, вносящие изменения в Договор о Европейском Союзе 1992 года, заключенные в 1997 году в Амстердаме (вступил в силу 1 мая 1999 года) и в 2001 году в Ницце (вступил в силу 1 февраля 2003 года), не содержали в себе положений относительно энергетической политики Союза. Амстердамский и Ниццкий договоры, в первую очередь, подготавливали почву для готовящегося масштабного расширения ЕС.

Вплоть до новой масштабной реформы Европейского Союза, ознаменовавшейся принятием в 2007 году Лиссабонского договора, который во многом «реанимировал» потерпевший неудачу конституционный проект, энергетическое право ЕС развивалось по намеченному десятилетия назад пути: институты Союза, в том числе и Суд, для решения вопросов в сфере энергетики либо задействовали механизм подразумеваемых полномочий, либо пользовались смежными с энергетикой сферами компетенций, которыми располагала наднациональная организация: внутренний рынок, защита окружающей среды, вопросы конкуренции, трансъевропейские сети. Суду ЕС приходилось разрешать правовые споры, вытекающие из Договора о ЕОУС и Договора о Евратоме, среди которых встречались дела как в рамках обязательной, так и добровольной подсудности.

В период действия Договора о Европейском Союзе в редакции Амстердамского и Ниццкого договоров сложились три основных направления, в рамках которых происходило развитие практики Суда ЕС по делам в сфере энергетики. К таким направлениям можно отнести конкурентную политику, защиту окружающей среды и инвестиционную деятельность. В это время Судом был рассмотрен ряд дел, весьма значимых для развития внутреннего энергетического рынка ЕС. Первое из них – дело «PreussenElektra» (Case C-379/98), в котором были затронуты аспекты конкурентного права. Немецкая компания PreussenElektra предъявила исковые требования к другой компании – Schleswag, о возмещении денежных средств, уплаченных в счет обеспечения поставок электроэнергии, произведенной из возобновляемых источников (в данном случае имелась в виду энергия ветра). В Германии на тот момент действовал закон, согласно которому предприятия - поставщики электроэнергии, управляющие центральными энергосетями, в обязательном порядке должны были приобретать электроэнергию, выработанную из возобновляемых источников, и затем выплатить компенсацию за ввод такой энергии. В рамках преюдициального запроса, направленного судом Германии в главный судебный институт ЕС, о соответствии предписаний немецкого закона положениям Договора о ЕС (статьям 30, 92 и 93(3)) Суд пришел к выводу, что нормы законодательства Германии ни в коей мере не противоречат праву Союза, поскольку их принятие продиктовано, во-первых, целью обеспечения защиты окружающей среды, а во-вторых, особенностями электроэнергетического рынка. Дело носило прецедентный характер, так как Судом ЕС были сформулированы критерии, в соответствии с которыми обязательство покупки считается соответствующим праву ЕС: цель введения такого обязательства, а также особенности рынка электроэнергии.

Вопросы ценообразования и конкурентной политики были затронуты также в деле «Julius Sabatauskas» (Case C-239/07). Суд заключил, что

«недискриминационный, прозрачный и приемлемый по стоимости доступ к сети является необходимым условием для функционирования конкуренции и создания внутреннего электроэнергетического рынка». В рамках данного дела Суд провел четкое различие между понятием «доступ» (access), которое относится к поставкам энергии, включая такие характеристики как качество, регулярность и стоимость услуги, и понятием «подключение» (connection), которое используется в большей степени как технический термин и обозначает механическое подключение к системе энергоснабжения. Так как судебному институту надлежало дать ответ на вопрос о соответствии предписаний литовского законодательства относительно присоединения оборудования потребителя к магистральной сети электропередачи только в случае отказа оператора распределительной сети по техническим причинам осуществить такое присоединение положениям нормативных актов ЕС, говорящих о недискриминационном доступе, Суд определил, что национальное право в данном случае не противоречит праву наднациональному. Правовая позиция, сформулированная Судом ЕС, в очередной раз подтвердила существование укоренившегося в энергетическом праве Союза принципа недискриминации в отношении доступа потребителей к системе энергоснабжения.

Еще одно знаковое для развития энергетического права ЕС дело – дело «Braathens Sverige AB» (Case C-346/97). Обстоятельства дела следующие: налоговые органы Швеции направили платежные извещения, в соответствии с которыми авиакомпания «Braathens» должна была осуществить уплату налога на загрязнение окружающей среды, взимаемого с авиакомпаний, осуществляющих внутренние коммерческие рейсы, за период с января 1995 по июнь 1996 гг. Авиакомпания пыталась оспорить размер подлежащих взысканию налоговых платежей, однако правомерность взимания упомянутых платежей была подтверждена решением налоговых органов от 15 августа 1996 года, что послужило поводом для «Braathens»

обратиться в национальный шведский суд. По решению указанного суда авиакомпания была предоставлена отсрочка в уплате налога из-за неопределенности исхода основного производства, поскольку суд Швеции обратился с преюдициальным запросом в Суд ЕС о толковании статьи 8 (1) Директивы Совета 92/81/ЕЕС от 19 октября 1992 года о согласовании структуры акцизов на минеральные масла. .

Суду надлежало выяснить, исключает ли статья 8 (1) указанной Директивы взимание такого налога как, например, налог на загрязнение окружающей среды, рассчитываемый исходя из данных о потреблении топлива и выбросов углеводородов и окиси азота в течение среднего полета воздушного судна. Суд пришел к выводу, что поскольку существует прямая и неразрывная связь между потреблением топлива и количеством выделяемого загрязняющего вещества такой налог необходимо рассматривать не как «зеленый налог», но как сбор, взимаемый с потребления самого топлива по смыслу Директивы 92/81. Взимание такого налога совершенно несовместимо с гармонизированной налоговой системой, предусмотренной вышеназванной Директивой. В связи с этим Суд заключил, что Директива исключает взимание подобного налога.

В рамках данного дела также звучал вопрос об обладании указанной Директивы прямым действием, т.е. способностью непосредственного наделения частных лиц правами и обязанностями. Суд пояснил, что статья 8 (1) (б) Директивы 92/81 налагает на государства-члены четкое и точное обязательство не взимать налог на топливо, используемое для целей воздушной навигации, кроме осуществления прогужных полетов. По мнению Суда, формулировка указанной статьи содержит ясное, точное и безусловное обязательство освобождение от уплаты такого налога, что позволяет частным лицам непосредственно ссылаться на упомянутую статью в судебных органах.

Указанное дело показательно с той точки зрения, что затронуло вопрос о разграничении «зеленых налогов» от иных налогов и сборов. Оно стало иллюстрацией того, как тесно могут переплетаться аспекты экологического, энергетического и налогового законодательства Союза. Кроме того, Суд достаточно обстоятельно проанализировал положения рассматриваемой Директивы на предмет её соответствия критериям, при наличии которых она будет иметь прямое действие.

В контексте права внутреннего рынка также стоит упомянуть также о делах «Commission v. Portugal» (C-367/98)³⁷, «Commission v. France» (C-483/99)³⁸ и «Commission v. Belgium» (C-503/99)³⁹, в рамках которых Суд ЕС ограничил возможность использования специальных прав голоса, закрепленных за государствами-членами в соответствии с долями их участия в капитале приватизированных (бывших государственных) предприятий. Такие права получили наименование «золотая акция», хотя в указанных делах государства-члена не выступали в качестве акционеров. Поскольку в качестве приватизированных предприятий зачастую выступают национальные энергетические компании, влияние указанных решений на развитие внутреннего энергетического рынка Союза не подлежит сомнению. В то время как в двух первых решениях было установлено противоречие национального права положениям учредительных договоров ЕС, в третьем решении Суд постановил, что нормы национального права о так называемых «золотых акциях», владельцем которых является Бельгия, соответствуют законодательству государства-члена при определенных условиях. Критерии определения допустимости специальных прав голоса государств-членов в приватизированных предприятиях следующие:

37 Case 367/98 Commission v. Portugal 2001 // ECLI:EU:C: 2001:321.

38 Case 483/99 Commission v. France 2001 // ECLI:EU:C: 2002:327.

39 Case 503/99 Commission v. Belgium 2002 // ECLI:EU:C: 2002:328.

- во-первых, необходимо определить, в какой мере нормы законодательства государства-члена соответствуют целям обеспечения свободы движения капиталов и платежей;

- во-вторых, Суд подчеркивает, что сама по себе возможность норм удерживать инвесторов от приобретения акций достаточна, чтобы допустить существование ограничения свободы передвижения капитала;

- в-третьих, возможные обоснования ограничения свободы передвижения капитала включают также возможность действия, руководствоваться общественным интересом;

- в-четвертых, оправдание возможных ограничений должно соотноситься с требованиями принципа пропорциональности.

Действие принципа свободы движения капиталов, предполагающего, в первую очередь, передвижение прямых инвестиций, которые в числе прочего играют значительную роль в контроле деятельности предприятия, может быть ограничено. Такие ограничения, как отмечает, Суд, должны согласовываться с требованиями общественной безопасности, в особенности, если речь идет о такой чувствительной области экономической деятельности как поставки энергоресурсов. Указанные решения содержательно дополнили фундаментальный принцип права внутреннего рынка, проиллюстрировав его действие в том числе и в секторе энергетики.

В деле «Commission v Italy»⁴⁰ также затрагивались вопросы применения права внутреннего рынка ЕС в отношении электроэнергетического сектора. В данном случае Комиссия в результате проведенного расследования пришла к выводу, что компания ENEL, монополист, обладающий исключительными правами на импорт и экспорт электроэнергии в Италии, создавала препятствия производителям электричества из других государств-членов при продаже энергии конечным

40 Case 158/94, Commission v Italy 1997 // ECLI:EU:C: 1997:500.

потребителям, а также нарушала право потенциальных покупателей на свободный и недискриминационный выбор источника энергоснабжения.

Исключительные права, зарезервированные за компанией ENEL, расценивались Комиссией как меры, ограничивающие торговлю, а также как меры, имеющие эффект, равнозначный количественным ограничениям на импорт. Кроме того, Комиссия полагала, что такое положение дел создает дискриминационные условия для компаний-экспортеров, зарегистрированных в других государствах-членах, а также *mutatis mutandis* иностранным потребителям, поскольку вероятнее всего обладатель исключительных прав на экспорт электроэнергии будет реализовывать свою продукцию в первую очередь на национальном рынке несмотря на предложения о покупке со стороны компаний-дистрибьютеров электроэнергии из других государств-членов.

Суд ЕС оставил без удовлетворения иск Европейской Комиссии, поскольку не было доказано, что применение норм права внутреннего рынка не создает препятствий для оказания услуг общеэкономического значения компанией ENEL. Соответственно утверждалось, что государства-члены не несут бремя доказывания того, что ни одна мера не может обеспечить возможность оказания таких услуг при одинаковых условиях. Более того, Суд ЕС пришел к выводу, что юридическое лицо должно осуществлять свою деятельность при экономически приемлемых условиях, которые предположительно влекут за собой получение обычной нормы прибыли на инвестируемый капитал. Тем не менее, было отмечено, что для государства-члена ЕС сам факт передачи полномочий по оказанию услуг общеэкономического значения предприятию не столь важен. Главное, чтобы оказание подобных услуг не принесло ущерб коммуитарным интересам.

. Данное решение имеет основополагающее значение для становления единого электроэнергетического рынка, так как судебным институтом Союза была открыта дорога к рассмотрению исключительных прав с точки

зрения конкурентного права и норм права внутреннего рынка. Вдобавок Комиссии было предоставлено полномочие по предъявлению исковых требований о воспрепятствовании осуществлению исключительных прав при условии доказательства того факта, что существование таких привилегированных правомочий не является необходимым для исполнения обязательств по обслуживанию населения. Кроме того Суд ЕС утверждал, что в определенных обстоятельствах Комиссия может отменить исключительные права. Такая позиция судебного института и привела государства-члены к столу переговоров. Национальные компетентные органы заключили, что лучше принять участие в переговорах по обсуждению текста Директивы, предусматривающей последовательную либерализацию рынков, нежели предоставить Комиссии возможность инициировать далеко не всегда обоснованные иски в Суд ЕС.

Вопросы построения и функционирования внутреннего рынка были затронуты в следующих делах: дело «Citiworks AG» (Case C-439/06), дело «Enel Produzione SpA v Autorità per l'energia elettrica e il gas.» (Case C242/10), а также объединенное дело «Alexandra Schulz v Technische Werke Schussental GmbH» и «Co. KG and Josef Egbringhoff v Stadtwerke Ahaus GmbH» (Joined Cases C-359/11 и C-400/1).

В деле «Citiworks AG» электроэнергетическая компания (Citiworks), учрежденная по праву Германии, обратилась в судебный институт ЕС с запросом относительно соответствия норм национального законодательства статье 20 Директивы 2003/54/ЕС, устанавливающей, что «государства-члены должны обеспечить доступ третьих лиц к системам передачи и распределения на основе опубликованных тарифов, применимых ко всем потребителям объективно и без дискриминации между пользователями системы». Фактические обстоятельства дела заключались в следующем.

С 2004 года Citiworks осуществляла поставку электроэнергии сети DFS Deutsche Flugsicherung GmbH, проходящей через территорию

аэропорта «Лейпциг/Галле». Компания FLH, выступающая в качестве ответчика, обслуживает этот аэропорт, поддерживая систему энергоснабжения, обеспечивающую собственные потребности в электричестве, а также потребности 93 предприятий, расположенных на его территории. Согласно национальному праву Германии, указанное предприятие расценивается как энергетическая сеть. В ходе расследования, проводимого в связи с заявлением, регулирующий орган попросил вмешаться компанию citiworks.

Решением от 12 июля 2006 года, регулирующий орган удовлетворил ходатайство FLH. Citiworks обжаловал его в Верховный суд Дрездена. При этом компания утверждала, что положения национального законодательства Германии несовместимы с положениями Директивы 2003/54. В этой связи суд Дрездена обратился с преюдициальным запросом в Суд ЕС.

Немецкий суд интересовал ответ на вопрос: «Должна ли статья 20 Директивы 2003/54/ЕС толковаться как исключаящая положение закона Германии относительно освобождения отдельных операторов систем энергоснабжения от обязательства предоставлять третьим лицам открытый доступ к таким системам на том основании, что они располагаются в рамках территориально связанной зоны действия сети и в основном служат для обеспечения энергетических потребностей самого предприятия или взаимосвязанных предприятий, где не установлено, что открытый доступ третьих лиц к системам может создавать необоснованные затруднения?».

Суд ЕС отметил, что при ответе на данный вопрос необходимо интерпретировать статью 20 Директивы 2003/54/ЕС в свете её целей и положений. Исходя из текста преамбулы к Директиве, а также статей 16 и 20, открытый доступ третьих лиц к системам передачи и распределения электроэнергии является одной из важнейших мер, которые государствам должны отразить в своем национальном законодательстве

с целью достижения подлинно единого внутреннего электроэнергетического рынка.

Руководствуясь нормативными определениями понятий «передача» и «распределение», Суд пришел к выводу, что, во-первых, система передачи представляет собой взаимосвязанную систему, используемую для транспортировки энергии под сверхвысоким и высоким напряжением для продажи конечным потребителям или дистрибьютерам. Распределительная система же используется для транспортировки энергии под высоким, средним или низким напряжением в целях продажи оптовым и конечным потребителям.

Согласно данным, представленным Суду ЕС, энергосистема, фигурирующая в деле, не подпадает ни под понятие «система передачи», ни под понятие «распределительная система» и по этой причине на неё не распространяется действие Директивы 2003/54/ЕС. Во-первых, предполагается, что указанная система образует местную сеть и не затрагивает вопросы конкуренции по причине низкого уровня потребления энергии, а, во-вторых, функционирование такой системы рассматривается в качестве дополнительной деятельности по отношению к основной, заключающейся в обслуживании аэропорта. Что же касается природы передающих и распределительных систем и количества электроэнергии, транспортируемого с их использованием, необходимо отметить, что единственным критерием, разграничивающим передачу и распределение по смыслу Директивы, является величина напряжения.

Суд ЕС также отмечает, что из положений статьи 13 Директивы, предусматривающей, что предприятия – собственники распределительных систем либо отвечающие за работу таких систем назначают операторов, не следует, что только компании – дистрибьютеры электроэнергии должны обеспечивать право открытого доступа к системе. Также в национальном законодательстве Германии ничего не сказано о том, является ли для

оператора деятельность по обеспечению функционирования систем энергоснабжения основной или дополнительной.

Исследовав фактические обстоятельства дела, Суд ЕС пришел к выводу, что компания FLH не обслуживает передающую систему, поскольку электричество не транспортируется под сверхвысоким или высоким напряжением, а передается для дальнейшей поставки конечному потребителю, что в полной мере позволяет рассматривать такую систему в качестве распределительной.

Также было отмечено, что статья 20 (2) Директивы оставляет за оператором распределительной системы право отказать в доступе, если системе недостает необходимой мощности, при условии, что существуют обоснованные причины для такого отказа. Возможность отказа необходимо оценивать в каждом конкретном случае. Государства-члены не могут самостоятельно отступить от таких требований без индивидуальной оценки технических возможностей системы обеспечить право доступа к ней третьих лиц. Тем не менее, Директива позволяет государствам не применять положения статьи 20 (2), когда применение может препятствовать исполнению обязательств, наложенных на предприятия в целях обеспечения общего экономического интереса и в той мере, в какой оно не может негативным образом сказываться на развитии торговли.

Из содержания статьи 3 (8) Директивы заключаем, что государства-члены могут принять решение об ограничении прав доступа третьих лиц к передающим и распределяющим системам в целях обеспечения публичного обязательства по поставкам электроэнергии. Для этого государства-члены должны, с одной стороны, выяснить, будет ли неограниченное право доступа к системам препятствовать исполнению операторами публичных обязательств и, с другой стороны, определить возможность исполнения такого рода обязательств иными способами, не влияющими отрицательно на реализацию прав доступа третьих лиц.

Исключение из требования о необходимости представления прав доступа к энергосистемам третьим лицам, предусмотренное национальным правом Германии, не может быть оправдано с точки зрения Директивы 2003/54/ЕС, поскольку не затрагивает географических и правовых аспектов, относящихся к району, в рамках которого функционирует сеть. Кроме того, оно не может быть оправдано и точки зрения положений статьи 26 (1) Директивы 2003/54/ЕС, предусматривающей возможность отступления от представления права открытого доступа к системам в случае, если государства-члены могут продемонстрировать, что существуют серьезные проблемы для функционирования небольших изолированных систем.

Исходя из вышеизложенного, Суд пришел к выводу, что статья 20 (1) Директивы 2003/54/ЕС должна интерпретироваться как исключаящая возможность освобождения операторов систем энергоснабжения от исполнения обязательств по предоставлению третьим лицам права открытого доступа к системам на том основании, что они расположены на географически связанной территории функционирования сети и в основном служат для обеспечения энергетических потребностей самого предприятия и подсоединенных к нему предприятий.

Еще одним прецедентом, в контексте которого были рассмотрены отдельные положения Директивы 2003/54/ЕС, стало дело «Enel Produzione SpA v Autorità per l'energia elettrica e il gas.». Будучи компанией, производящей электричество и владеющей установками, обеспечивающими жизненно важные потребности населения в энергоресурсах, ENEL подала иск в суд Италии об аннулировании Решения № 52/09 на том основании, что его положения несовместимы с нормами Директивы 2003/54/ЕС. Компания утверждала, что в соответствии с оспариваемым законодательством доступность необходимого объема энергии для диспетчерского управления энергосистемой не определяется свободным взаимодействием спроса и предложения и основана на инструкциях, адресованных предприятиям,

имеющим собственные генерирующие установки, и предусматривающих поставку энергоресурсов по цене, определяемой не производителем, а наднациональным регулятором. По мнению ENEL, такие правила идут вразрез с конкурентной политикой Европейского Союза в отношении производства и поставки электроэнергии, навязывая интервенционистский подход. Кроме того, упомянутое решение противоречит статье 11 (2) и (6) Директивы 2003/54, предусматривающей, что диспетчерские службы должны учитывать экономическое значение электроэнергии, вырабатываемой генераторными установками, предоставляя выбор доступных цен на основе экономических критериев, а также, что системные операторы должны закупать энергию, чтобы покрыть потери ресурсов и поддерживать мощность системы в соответствии с требованиями недискриминации и прозрачности.

Учитывая указанные обстоятельства, Административный трибунал Ломбардии адресовал в Суд ЕС преюдициальный запрос: исключает ли, в частности, статья 24 Директивы 2003/54 принятие национального законодательства, предусматривающего обязательство для производителей электроэнергии, необходимых для целей удовлетворения спроса на диспетчерские услуги, подавать заявки на биржевых рынках в соответствии с программами, утвержденными системными операторами, и не позволяющего производителям свободно устанавливать размер оплаты заявок, связав его с критерием, который не может быть предварительно определен на основе рыночных, недискриминационных и транспарентных процедур?

Для ответа на поставленный вопрос Суду ЕС надлежало установить, отвечают ли обязательства публичной службы в отношении диспетчерских услуг, осуществляемых оператором, владеющим генерирующими установками, требованиям объективности, достаточной определенности, прозрачности, опубликованы ли они и поддаются ли проверке.

Следует отметить, что национальное законодательство Италии определяет условия и критерии, в соответствии с которыми установки или группы установок квалифицируются как жизненно необходимые. При этом список таких установок подлежит обязательному ежегодному опубликованию. От национальной энергетической компании также требуется направлять европейскому энергетическому регулятору, а также пользователям диспетчерских услуг следующее материалы:

а) доклад с указанием причин, почему генерирующие установки были включены в список;

б) время года и обстоятельства, при которых можно предположить, что каждая из этих установок окажется жизненно необходимой для обеспечения безопасности системы;

в) основные рабочие параметры и периоды, в течение которых указанные параметры должны быть опробованы;

г) оценка вероятного использования генерирующих установок, а также других сооружений, в течение периодов, в которых они могут оказаться жизненно важными для обеспечения безопасной работы электроэнергетической системы. Указанные обязательства нашли отражение в законодательстве Италии относительно прав пользователей диспетчерских услуг в области энергетики.

Правила, регулирующие жизненно необходимые генерирующие установки, не являются дискриминационными, как утверждает Enel. На самом деле, эти правила применяются ко всем операторам, которые, в течение определенного периода, имеют в собственности одну или несколько установок, которые, на основе объективных технических критериев, могут оказаться необходимыми для того, чтобы удовлетворить потребности в электроэнергии диспетчерских служб.

Что же касается требования о том, что электричество должно поставляться в соответствии с критерием экономического приоритета, то из

материалов, представленных в суд, со всей очевидностью не следует, что заявки о продаже, поданные заранее, не выбраны энергетической компаний в порядке ранжирования – начиная с той, в которой указана наименьшая цена.

И наконец, в отношении требования о том, что законодательство может быть оспорено, следует отметить, что Решение № 52/09 является нормативным актом, юридическая сила которого может являться предметом рассмотрения в рамках судебного разбирательства. В конце концов, именно иск об аннулировании указанного решения послужил поводом для инициирования процесса в Суде ЕС.

Руководствуясь вышеизложенным, на вопрос национального судебного органа Италии Суд ЕС дал отрицательный ответ, отметив, что в отношении установления обязательства для производителей электроэнергии подавать заявки на биржевых рынках в соответствии с программами, утвержденными системными операторами, и не позволяющего производителям свободно устанавливать размер оплаты заявок, связав его с критерием, который не может быть предварительно определен на основе рыночных, недискриминационных и транспарентных процедур, Директива 2003/54/ЕС не препятствует принятию соответствующего законодательства.

В деле С-400/11 поводом для обращения в наднациональный судебный институт послужила необходимость разъяснить положения национального закона Германии, предусматривающего возможность установления в потребительских договорах (договорах об оказании услуг) положения, согласно которому поставщик может самостоятельно устанавливать цены на электроэнергию без указания причин и предпосылок для корректировки. При этом за поставщиком не закрепляется обязанность обеспечить информирование потребителей о повышении ставок и возможности расторжения договора в одностороннем порядке. Суду ЕС надлежало дать свое официальное разъяснение о соотносимости подобного положения с

предписаниями Директивы 2003/54/ЕС, в частности с требованиями прозрачности к заключаемым с потребителями контрактам.

Проанализировав положения вышеназванной Директивы, Суд ЕС пришел к выводу, что принятие подобных положений на национальном уровне противоречит праву Союза. Судом было отмечено, что государства-члены при принятии национальных мер для реализации положений Директивы должны исходить из требования защиты прав конечных потребителей и обеспечения для них необходимых гарантий надежности энергоснабжения. С этой целью государства-члены могут назначить гарантирующего поставщика. При этом особо отмечается необходимость обеспечения выполнения требования прозрачности условий контракта. Поскольку в Директиве предусматривается право потребителя расторгнуть договор поставки в одностороннем порядке, а также возможность оспаривания корректировки стоимости поставки энергоресурсов, предполагается, необходимо обеспечить его эффективную реализацию. Для этой цели потребители уведомляют компанию – поставщика о согласии/несогласии с измененной стоимостью до того, как соответствующие корректировки вступят в силу. В случае если в договоре, заключенным с потребителем, не предусмотрена обязательность такого уведомления, он не будет отвечать требованию прозрачности, являющимся ключевым, исходя из содержания Директивы 2003/54/ЕС. Таким образом, при решении вопроса об изменении стоимости поставки электроэнергии в рамках договора с конечным потребителем, Суд предписывает исходить из принципа транспарентности.

Третий этап (2009 г. – настоящее время). 13 декабря 2007 года в столице Португалии Лиссабоне был подписан договор, вносящий изменения в Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского Сообщества. Его подписание стало результатом неудавшейся попытки принять единую Конституцию для Европы и представляло собой ряд

поправок, подлежащих включению в учредительные договоры ЕС. Лиссабонский договор 2007 года стал поистине революционным документом, воплотившим в жизнь ранее предусмотренные конституционным проектом нововведения. Ликвидировав структуру «трех опор», он учредил обновленный Европейский Союз с единой правосубъектностью и компетенцией, имеющей тенденцию к расширению.

Договор включил в сферу ведения ЕС новые области экономической и общественной деятельности: туризм, гуманитарная помощь, космос, гражданская оборона и, наконец, энергетика. Принятие Лиссабонского договора открыло новую страницу в истории развития европейской интеграции. Что же касается энергетической политики, то теперь она становится подлинно наднациональной, поскольку пункт «i» части 2 статьи 14 ДФЕС отнес энергию к ведению Европейского Союза и государств-членов. Вопросы энергетики наряду с регулированием внутреннего рынка, конкуренции, защиты окружающей среды и трансъевропейских сетей теперь составляют совместную компетенцию Союза и государств-членов. Важно отметить, что её использование должно осуществляться с соблюдением основополагающих принципов: принципа субсидиарности, принципа пропорциональности в совокупности с принципом наделения компетенцией, устанавливающего пределы действия Союза в той или иной сфере деятельности.

Новый ревизионный договор предусмотрел специальные положения относительно деятельности Союза в сфере энергетики. Энергетической политике ЕС посвящен раздел XXI, единственная статья которого (статья 194) определяет основные цели ЕС в данной сфере, среди которых значатся обеспечение функционирования энергетического рынка и надежности энергоснабжения, а также содействие энергетической эффективности, экономии энергии, развитию новых, возобновляемых видов энергии и межсоединению энергетических сетей. При этом за государствами-членами

закреплено право самостоятельно определять условия эксплуатации энергетических ресурсов, выбор между различными источниками энергии и общую структуру энергоснабжения. Указанные положения подготовили почву для принятия актов вторичного права, в первую очередь регламентов и директив как инструментов унификации и гармонизации, призванных урегулировать отношения в области энергетики на территории ЕС.

Принятие Лиссабонского договора способствовало тому, что наднациональные институты получили возможность осуществлять компетенцию в энергетической сфере. При этом отдельные положения ДЕС и ДФЕС в редакции Лиссабонского договора напрямую указывают на необходимость реализации полномочий того или иного института именно применительно к области энергетики как стратегически важному направлению внутренней политики ЕС. Показательна в данном случае часть 1 статьи 122 ДФЕС, в которой предусмотрено, что Совет по предложению Комиссии может в духе солидарности между государствами – членами принимать решение о мерах, соответствующих экономической ситуации, в частности, если возникают трудности в снабжении определенными продуктами, особенно, в энергетической сфере. Указание на энергетическую сферу появилось в документе с принятием Лиссабонского договора. В указанной статье обращает на себя внимание требование солидарности, из которого необходимо исходить государствам-членам при принятии решений в области энергетики. Нельзя умалять положительного эффекта такого требования, поскольку согласованность действий государств-членов ЕС в данной сфере служит гарантом энергобезопасности Союза.

Лиссабонский договор подтолкнул институты к активному проведению энергетической политики с использованием эффективного правового инструментария (норм первичного, а также вторичного права в области энергетики, имеющих обязательную юридическую силу). Суд Европейского Союза не стал исключением и после вступления в силу

Лиссабонского договора осуществляет юрисдикцию в отношении правовых споров в энергетике. Ликвидировав структуру «трех опор» и учредив Европейский Союз, обладающий единой правосубъектностью, Договор предусмотрел за судебным институтом ЕС полномочия по принятию решений как в преюдициальном порядке, так и в рамках прямой юрисдикции в данной сфере.

С момента вступления в силу Лиссабонского договора Суд ЕС рассмотрел ряд дел, которые внесли существенный вклад в развитие внутренней энергетической политики. Необходимо отметить, что рассмотренные ниже правовые споры затрагивали не только аспекты энергетического права как такового, но и касались деятельности Союза в области проведения налоговой, конкурентной и экологической политик. Постлиссабонская практика Суда ЕС сформировала прецеденты, которые обозначили основные тенденции развития энергетического права Союза, представляющего межотраслевой комплекс правовых норм. Заметим, что подавляющее большинство дел, рассмотренных Судом, так или иначе, затрагивало применение нормативных актов, принятых в рамках Третьего энергопакета.

1. Дело «Azienda Agro-Zootecnica» (Case 2/10). Национальный административный трибунал обратился в Суд ЕС с преюдициальным запросом о совместимости национального законодательства требованиям Директив об охране диких птиц и Директивы 2009/28/ЕС по развитию возобновляемой энергетики в той мере, в которой эти положения налагают в одинаковой мере запрет на размещение ветряных энергетических установок, не предназначенных для собственного потребления, на территории экологической сети ЕС «Натура – 2000» взамен проведения надлежащей оценки воздействия на окружающую среду.

Суд ЕС подчеркнул, что Директивы об охране диких птиц, будучи частью экологической сети ЕС «Натура – 2000», не содержат запрета на

проведение хозяйственной деятельности на территории её функционирования. Документ предусматривает разрешительный порядок такой деятельности при условии проведения предварительной оценки её воздействия на окружающую среду. Нормы национального законодательства предусматривают более категоричные требования (хозяйственная деятельность на территориях экосети запрещена). Государства имеют право в соответствии со статьей 193 ДФЕС закреплять более строгие защитные меры в области экологической политики, уведомляя об их принятии Европейскую Комиссию. Суд ЕС подчеркивает, что «неисполнение государствами-членами обязательства о направлении уведомления Комиссии согласно статье 193 ДФЕС влечет незаконность принятых ими более строгих защитных мер».

Директива об охране диких птиц не исключает возможности принятия более строгих мер. Директива 2009/28 также не препятствует принятию национального законодательства, содержащего запрет на установку ветрогенераторов, не предназначенных для собственного потребления, на территории экологической сети ЕС «Натура – 2000» при отсутствии требования надлежащей оценки воздействия на окружающую среду при условии соблюдения принципов недискриминации и пропорциональности.

Таким образом, требование охраны окружающей среды стоит выше цели стимулирования производства и потребления энергии из возобновляемых источников. Тем не менее, в данном случае также должны учитываться принципы недискриминации и пропорциональности.

2. Дело «Polish hydrocarbon» (Case 569/10). Поводом для правового спора в данном случае послужило неисполнение Республикой Польша обязательств, предусмотренных статьями 2 и 5 Директивы 94/22/ЕС от 30 мая 1994 года об условиях предоставления и использования разрешений на поиск, разведку и добычу углеводородов. В соответствии с положениями Директивы каждое государство-член обязуется обеспечивать юридическим

лицам доступ и возможность осуществления на недискриминационной основе мероприятий по поиску, разведке и добыче углеводородов. Кроме того, государства принимают необходимые меры для обеспечения выдачи разрешений с учетом технических и финансовых возможностей предприятий, а также способа, по которому будет осуществляться поиск, разведка и добыча углеводородов в определенном географическом районе. Указанные критерии подлежат опубликованию в Официальном журнале ЕС до начала периода подачи заявлений на получение упомянутых разрешений.

Суд ЕС пришел к выводу, что Польша нарушила требования Директивы 94/22/ЕС, поскольку не приняла надлежащих мер, необходимых для обеспечения доступа на дискриминационной основе к деятельности по поиску, разведке и добыче углеводородов, а также не способствовала выполнению критериев выдачи разрешений, указанных в Директиве. Суд обратил внимание на положение польского законодательства, предусматривающего возможность получения концессии иностранным предприятием только в том случае, если оно зарегистрировано в Польше.

Судебный институт отметил, что подобная норма затрудняет доступ к экономической деятельности и фактически требует от хозяйствующего субъекта осуществлять инвестиции, даже если он не принял окончательного решения в отношении получения данной концессии. Кроме того, обязательство предъявлять разрешение на право использования геологической документации также подверглось критике со стороны Суда ЕС. Он подчеркнул, что предприятие, получившее разрешение на разведку месторождений углеводородов в прошлые годы заведомо окажутся в более привлекательной с экономической точки зрения ситуации, чем организации, подавшие заявки на получение концессии позже.

3. Дело «Thomas Fuchs» (Case 219/12). В указанном деле Суд рассмотрел преюдициальный запрос в рамках правового спора между компаниями «Finanzamt» и «The Unabhängiger Finanzsenat» относительно

удержания налога на добавленную стоимость при установке солнечной батареи с использованием фотоэлементов на крыше дома господина Фукса.

Поставка произведенной электроэнергии осуществлялась на основании договора, предоставляющего доступ к сети. Однако заявление господина Фукса о возврате уплаченной в счет НДС суммы было отклонено компанией «Finanzamt» на том основании, что указанные солнечные батареи не были установлены для целей их использования в экономической деятельности.

В связи с этим национальный суд обратился в судебный институт ЕС с запросом, можно ли рассматривать в качестве экономической деятельности по смыслу статьи 4 Шестой Директивы 77/388/ЕЕС100 эксплуатацию солнечной батареи для личных нужд, если такая установка на постоянной основе генерирует объем энергии значительно меньший, чем общее количество энергии, используемое оператором в частном домовладении. Несмотря на тот факт, что любое имущество может быть использовано как для осуществления экономической деятельности, так и для личных нужд, Суд ЕС признал, что эксплуатация солнечных батарей, генерирующих электроэнергию, подпадает под понятие «экономическая деятельность», поскольку:

- электроэнергия, произведенная такими установками, поставляется по сети потребителю;

- в соответствии с договором, гарантирующим доступ к сети, возврат НДС рассматривается в качестве компенсационной выплаты.

При этом, по мнению Суда, не имеет значения тот факт, что количество энергии, произведенное солнечными батареями, меньше фактически потребляемой. Налоговый вычет необходим с целью избежания двойного налогообложения, так как господин Фукс является налогоплательщиком и товары и услуги, выступающие предметом коммерческих сделок, также облагаются налогами. Таким образом, господин Фукс имеет право на

возмещение суммы НДС при установке солнечных батарей. Безусловно, такое решение Суда ЕС в дальнейшем способствовало популяризации установки солнечных батарей с использованием фотоэлементов в частных домовладениях.

4. Дело «Salemink» (Case 347/10). Данное дело представляло правовой спор, затрагивающий аспекты добычи полезных ископаемых и, соответственно, энергетической политики ЕС в данной сфере. Предметом рассмотрения стало размещение стационарных и плавающих установок на континентальном шельфе. Вывод, сделанный Судом в рамках данного дела, следующий: «Поскольку государство-член осуществляет суверенитет, функциональный либо ограниченный, в отношении континентального шельфа, работы, производимые на стационарных либо плавающих установках, расположенных на континентальном шельфе, в целях разведки и (или) эксплуатации природных ресурсов, рассматриваются в качестве работ, производимых на территории соответствующего государства-члена в соответствии с целями права ЕС.

На государство-член, получающее выгоду от использования прав на разведку и (или) эксплуатацию природных ресурсов континентального шельфа, распространяются нормы права Европейского Союза, регулирующих свободу передвижения работающих на таких установках лиц».

Указанные выше дела внесли свою лепту в формировании внутреннего энергетического рынка в частности и права внутреннего рынка ЕС в целом конкретизируя его направления, сформулированные как в актах нормативного, так и ненормативного характера.

5. Выводы

Проанализированный опыт Суда Европейского Союза в части построения правовых основ внутреннего рынка интеграционного объединения представляет особый интерес в контексте развития полномочий судебного института Евразийского экономического союза – Суда ЕАЭС. Его статус, состав, компетенция, порядок функционирования и формирования определяются согласно статье 19 Договора о Евразийском экономическом союзе, вступившем в силу 1 января 2015 года, а также Статутом Суда Евразийского экономического союза согласно приложению №2 к Договору.

Договор признал передачу части компетенций государств-участников на наднациональный уровень, что позволило приблизить статус Суда ЕАЭС к статусу Суда Европейского Союза. В частности, Суд ЕАЭС рассматривает споры по заявлению государств-членов и хозяйствующих субъектов, а также представляет разъяснения (консультативные заключения) о соответствии Договору заключаемых в рамках Союза международных договоров, о соблюдении другими государствами – участниками Договора или решений органов Союза; о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений Договору или решениям органов Союза, об оспаривании действий или бездействия Комиссии.

Как в свое время Суд Европейского союза в преюдициальных запросах развил базовые принципы права ЕС, так и Суд ЕАЭС в консультативных заключениях обращается к основополагающим константам построения интеграционного правопорядка. В частности, неоднократно указывалось на принцип верховенства и прямого действия, раскрывалась их суть и обосновывалась необходимость их применения в праве ЕАЭС.

Так именно в консультативном заключении Суд установил критерии норм прямого действия, которые в дальнейшем могут использоваться в

процессе единообразного толкования и применения. Также Суд отметил, что положения права ЕАЭС обладают прямым действием, если они сформулированы достаточно четко, ясно, наделяют частных лиц правами и не требуют имплементации.

Вместе с тем, несмотря на кажущуюся схожесть в характере полномочий, имеются существенные различия в природе таких решений. Решение Суда ЕАЭС, будучи обязательным для исполнения сторонами спорами или Евразийской комиссией, не определяет порядок его исполнения, не отменяет действующих норм права ЕАЭС и не создает новых норм. У Суда ЕАЭС отсутствуют полномочия по принятию мер обеспечительного характера. Вместе с тем, он, подобно арбитражу, может рассматривать споры между хозяйствующими субъектами (юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями).

Значительным отличием компетенции Суда ЕАЭС от компетенции Суда ЕС является отсутствие компетенции по рассмотрению преюдициальных запросов национальных судов. Развитию интеграционных процессов не способствует и действующий в рамках ЕАЭС порядок назначения судей. В настоящее время судьи Суда ЕАЭС назначаются решением Высшего евразийского экономического совета, т.е. по сути вопрос назначений судей напрямую зависит от глав государств. Регламент Суда также утверждается Высшим евразийским экономическим советом.

При этом в доктрине неоднократно подчеркивалась необходимость укрепления роли судебного нормоконтроля через формулирование единых правовых принципов евразийской интеграции, дальнейшую интерпретацию идей интеграции, заложенных в Договорах, поддержания баланса сил и интересов в деятельности органов ЕАЭС⁴¹.

⁴¹ См. например: Нешатаева Т. Единообразное применение – цель Суда Евразийского экономического союза // Международное правосудие. 2015. №2(14). С.115–125, 116. 49; Нешатаева Т.Н. Суд ЕАЭС: от правовой позиции к действующему праву // Российское

При этом огромное значение придается усилению полномочий по интерпретации (толкованию) положений Договоров, поскольку именно данное полномочие, по аналогии с практикой Суда ЕС, позволит сформировать правовые основы для углубления экономической интеграции в части построения эффективно функционирующего внутреннего рынка. Также усиление данного правомочия будет способствовать развитию правотворческого потенциала Суда, формированию единообразной правоприменительной практики.

Так же назрела необходимость повышения роли Суда ЕАЭС в деятельности по устранению препятствий во взаимной торговле. В этой связи, по мнению многих ученых, необходимо предоставить ЕЭК право направлять обращения в Суд ЕАЭС при неисполнении государством-членом решений Коллегии ЕЭК относительно положений Договора о ЕАЭС, международных договоров и (или) иных актов, входящих в право ЕАЭС. Также Наделить Суд ЕАЭС правом принимать решения по данным вопросам, в том числе о возможности наложения штрафных санкций на уполномоченный орган государства-члена за неисполнение решений ЕЭК по устранению препятствий на внутреннем рынке.

Возможно таким образом возможно достичь цели безусловного исполнения решений ЕЭК по реализации обязательств по устранению препятствий во взаимной торговле.

Развитию интеграционного потенциала Суда ЕАЭС в части права внутреннего рынка способствовало Решение Большой коллегии Суда ЕАЭС от 21 февраля 2017 года по делу №СЕ1-1/1-16 БК «Об установлении факта исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме положений статей 1, 3, 4, 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014, статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статьёй 11 и 17 Соглашения

правосудие. 2017. №9. С. 55–71. См. также: Евразийская интеграция: роль Суда / под ред. Т.Н.Нешатаевой. М. : Статут, 2015.

о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов Таможенного союза от 21.05.2010»⁴². Оно стало первым решением по судебному спору между государствами-членами Союза. Фактическая сторона вопроса состояла в том, что таможенные органы Беларуси в одностороннем порядке пересмотрели ранее принятые таможенными органами Российской Федерации решения, что по сути квалифицируется как нарушение норм права ЕАЭС о взаимном признании юридически значимых решений и ограничение свободы движения товаров и услуг в рамках внутреннего рынка Союза. Суду надлежало установить факт исполнения не в полном объеме решения, оставляя «за скобками» вопрос о возмещении убытков или иных требований имущественного характера, поскольку согласно Статуту, данные требования Суд ЕАЭС не рассматривает. Решение по делу носило обязательный для сторон характер. Вместе с тем отсутствие реальных компенсационных механизмов в настоящее время является слабой стороной евразийского правосудия.

Расширение полномочий Суда ЕАЭС, очевидно, будет способствовать количественному росту дел, рассматриваемых евразийской судебной инстанцией, а также качественному совершенствованию решений в направлении усиления правотворческого начала, полномочий в сфере обеспечительного и исполнительного производства. В конечном итоге, популяризация евразийской юрисдикции через усиление интеграционного потенциала судебного института, будет способствовать укреплению и эффективному функционированию внутреннего рынка ЕАЭС.

⁴² Официальный сайт суда ЕАЭС. URL: <http://courteurasian.org/>